

Оригинальная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.128-138>

Некоторые особенности употребления форм двойственного числа в Волынской летописи

Д.М. Каменев

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия

kamenev.daniel2000@gmail.com

Аннотация

В статье рассмотрены некоторые особенности употребления форм двойственного числа на материале третьего компонента Ипатьевской летописи, известного как Волынская летопись. Важная часть исследования посвящена анализу и модификации имеющейся классификации форм двойственного числа, которая была разработана О.Ф. Жолобовым. В статье предложен новый, усовершенствованный вариант классификации форм дуалиса, который лег в основу последующего контекстного анализа. На основании проведенного исследования сделан вывод о том, что употребление дуальных форм в изученном памятнике отличается последовательностью и традиционностью, что позволяет говорить о полном соответствии исходной древнерусской языковой системе. Приведенный факт подчеркивает сохранение и преемственность древнерусских языковых традиций в Волынской летописи, что делает ее ценным источником для изучения истории русского языка.

Ключевые слова: древнерусский (общевосточнославянский) язык, историческая грамматика, двойственное число, Волынская летопись, Ипатьевская летопись

Для цитирования: Каменев Д.М. Некоторые особенности употребления форм двойственного числа в Волынской летописи // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 1. С. 128–138. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.128-138>.

Original article

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.128-138>

Some features of dual grammatical forms in the Volhynian Chronicle

D.M. Kamenev

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

kamenev.daniel2000@gmail.com

Abstract

The usage of dual grammatical forms in the third component of the Hypatian Codex, known as the Volhynian Chronicle, is examined, with a focus on the contextual and linguistic aspects. O.F. Zholobov's classification of dual forms is revised. A new, enhanced classification is introduced and applied to perform a detailed contextual analysis of the Volhynian Chronicle. The results of the contextual analysis show that the usage of dual forms is characterized by consistency and adherence to traditional linguistic patterns, thus revealing its complete alignment with the principles of the Old Russian linguistic system. From the obtained results, it can be concluded that the Volhynian Chronicle, which continues the Old Russian linguistic tradition, is a valuable resource for studying the historical development of the Russian language and its grammatical structures.

Keywords: Old Russian (Common East Slavic) language, historical grammar, dual number, Volhynian Chronicle, Hypatian Codex

For citation: Kamenev D.M. Some features of dual grammatical forms in the Volhynian Chronicle. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 1, pp. 128–138. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.128-138>. (In Russian)

Введение в проблематику

Двойственное число (дв. ч., или дуалис – далее использованы как синонимы) – особая числовая грамматическая форма, функционирование которой ученые наблюдают в ранних памятниках письменности, а также в поздних текстах, датируемых XVI–XVII вв., где она сохраняется как «узуальный архаизм» [1, с. 217]. Теоретические основы изучения грамматической категории двойственного числа разработаны как зарубежными исследователями-славистами, например А. Беличем, А. Мейе, Н. Ван-Вейком и др., так и отечественными лингвистами, среди которых можно особенно выделить А.М. Иорданского и О.Ф. Жолобова. В работах перечисленных ученых подробно описаны состояние дуалиса начиная с общеиндоевропейского периода и заканчивая его распадом в различных славянских языках, способы и варианты классификации, изучение функционирования форм по текстам различных жанров. Однако данные, представленные в исследованиях, оказываются неполными, так как тщательному анализу подвергалось недостаточное количество текстов древнерусского периода. Изучение форм дуалиса по памятникам древнерусской письменности необходимо распространить на более широкий круг источников – таким образом может быть получен богатый материал для уточнения не только ряда проблем, связанных с эволюцией категории двойственного числа

в древнерусском языке, но и некоторых общих вопросов теории исторической лингвистики. Основная **цель** настоящего исследования – анализ специфики контекстного употребления форм дв. ч. и попытка классификации полученных данных на материале Волынской летописи (далее – ВЛ), входящей в состав Ипатьевской летописи (далее – ИЛ).

Вопросы классификации форм двойственного числа

В литературе, посвященной эволюции форм дуалиса, а также его истории и систематизации, представлены различные авторские классификации. Наиболее известная – классификация сербского слависта А. Белича, чей подход к структуризации форм дв. ч. для некоторых исследователей до сих пор является центральным (см. [2, с. 34]). О.Ф. Жолобов в обобщающей монографии [3], посвященной исследованию древнерусских форм дв. ч. на общеславянском фоне, подробно рассмотрел основные сохраняющие свое значение идеи, теории и классификации, касающиеся форм дуалиса. Особо он выделяет классификацию форм дв. ч. в праславянском языке А. Белича, отмечая, что она является более детальной, чем предшествующие, и учитывает изменения в системе дв. ч. [3, с. 17]. Можно согласиться с мнением П.Ю. Караваевой о том, что О.Ф. Жолобов усовершенствовал классификацию А. Белича, а также «расширил и дополнил» его выводы, «сохраняя, однако, все описанные разновидности двойственного числа» [2, с. 34].

Анализ авторской группировки дуальных форм О.Ф. Жолобова позволил прийти к выводу, что некоторые компоненты этой классификации избыточны, какие-то типы дв. ч. описаны слишком широко, поэтому требуют конкретизации. Последнее натолкнуло нас на создание модернизированной классификации, сквозь призму которой мы могли бы изучить летописный материал. Сравнение классификации О.Ф. Жолобова для «исходной системы» древнерусского языка [3, с. 46–47] и нашей представлено в табл. 1 (в качестве иллюстраций использованы примеры из ВЛ).

Табл. 1. Классификации форм двойственного числа

Table. Classification of dual grammatical forms

Классификация О.Ф. Жолобова	Предлагаемая классификация
1) свободное дв. ч. (категориально-грамматическая номинация количественно-предметного типа); а) дистрибутивное употребление дв. ч.;	1) свободное дв. ч.;
2) связанное дв. ч. (категориально-грамматическая номинация счетно-количественного типа); б) несвязанное употребление дв. числа;	2) контекстно обусловленное дв. ч. (прономинально-вербальное употребление);
3) прономинально-вербальное дв. ч. (обозначение участников диалогического континуума);	3) дв. ч. при формульных конструкциях: 3а) при лексемах счетно-количественного порядка <i>оба</i> (<i>обѣ</i>), <i>дѣва</i> (<i>дѣвѣ</i>); 3б) при двух именах собственных; 3с) при двух сакральных именах собственных, «священные двойцы» (двандва); 3д) при соединении двух сакральных предметов, «священные двойцы»;
4) дв. ч. в конструкциях с двумя именами – сочетания двух имен, сопровождаемых согласованными по смыслу атрибутивными или предикативными формами дв. ч.; с) двойной дуалис (двандва) – маркированные формы дв. ч., сочетания двух имен в дв. ч.; д) эллиптическое дв. ч.;	4) дв. ч. при числительных, обозначенных цифрой (буквенная цифирь).
5) конгруэнтное дв. ч. – согласовательное или координативное дв. ч.	

К первому пункту мы отнесли все парные имена, обозначив их как свободное дв. ч. Данный тип в качестве центрального выделяют многие исследователи: «...это формы существительных – названий парных предметов, не связанные сочетаемостью с числительными *дѣва, дѣвѣ, оба, обѣ*» [4, с. 264]. О.Ф. Жолобов отмечает, что основу названного типа имен составляли «существительные соматической группы», а также упоминает тот факт, что «эта группа была довольно многочисленной, в нее входило свыше 40 единиц» [3, с. 61]. Например: *ѿтраси сонъ возведи ѿчи да видиши какоѡ та ч(ьс)ти Г(оспод)ѣ тамо спо(до)би постави* ‘Отряхни сон, подними глаза, и ты увидишь, какой чести Господь тебя удостоил!’ (ВЛ/1289)¹.

Ко второй группе нами отнесено контекстно-семантически обусловленное употребление дуальных форм. В нее включаются случаи использования указательных или личных местоимений, например, когда речь идет о двух названных ранее лицах или объектах: *и посла Володимѣръ. ко брату ко Львови. ко сыновцю ко Юрьеви с тѣми словы се вама* [двоим – Льву и Юрию] *повѣдаю далъ есмь брату своему Мъстиславу землю свою и городы* ‘И послал Владимир к брату своему Льву и к племяннику Юрию с такими словами: «Сообщаю вам, что я дал брату моему Мстиславу свою землю и города»’ (ВЛ/1287).

Третья группа, обозначенная у нас как «дв. ч. при формульных конструкциях», является самой широкой. Она включает структуры, где сочетаются друг с другом различные парные элементы нарратива. Функционирование дуальных форм данного типа оказывается наиболее устойчивым, стабильным и традиционным, сохранившимся в некоторых сочетаниях и до настоящего времени, поэтому было решено понимать их как определенные формулы-конструкции (близость к устойчивым выражениям). Первый подтип – дуалис при числовых показателях *оба (обѣ), дѣва (дѣвѣ)*: *потом же вложи дѣволъ ненависть во два Сомовитовича* ‘Потом дьявол вложил ненависть в двух Сомовитовичей’ (ВЛ/1281). Второй тип – дуалис при двух именах собственных (перечисление князей, детей князя, братьев и др.), соединенных союзом *и*, например: *Мъстиславъ и Юрь оутановшеса Володимера. посласта лоутышѣи своѣ бояръ и слуги воевать с Тюимю* ‘Мстислав и Юрий, тайно от Владимира, послали своих лучших бояр и слуг воевать с Тюимой’ (ВЛ/1277). Третий подтип – двойственное число при двух именах собственных, выполняющих сакральную функцию (двойной дуалис – «двандва», по классификации О.Ф. Жолобова), как справедливо заметил В.В. Колесов – «священные двоицы» [1, с. 213] (например, святые Борис и Глеб, Петр и Павел и др.). Четвертый подтип – дуалис при формульном двойственном: неслучайном соединении предметов или элементов, чаще всего относящихся к книжной традиции (например, *мать и отец, день и ночь, милость и истина*).

Последняя группа – дв. ч. при числительных, указанных в тексте памятника с помощью цифры (буквенная цифирь) – как отдельная не выделялась ранее ни в одной классификации. Например: *из Любомля поѣха до Берестыа. и переѣзъвъ во Берестыи .Ѣ. д(ь)ни. поѣха до Каменца* ‘А из Любомля поехал в Берестье и, пробыв в Берестье два дня, поехал в Каменец’ (ВЛ/1287).

Конгруэнтный тип, выделенный как отдельный классификационный компонент в ранних работах, является, на наш взгляд, избыточным, так как часто сопровождает большинство контекстов, где центральные и устойчивые компоненты (парные имена, сочетания с союзом *и*, «двандва») оказываются функционально маркированными – в роли подлежащего

¹ Здесь и далее контексты выделены при помощи грамматической разметки Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Использованные примеры уточнялись в опубликованном тексте летописи (ПСРЛ, Т. 2). Спорные случаи проверялись в тексте рукописи (ИЛ). В некоторых случаях использовался (либо уточнялся) перевод О.П. Лихачевой (ГВЛ). В круглых скобках указывается источник и год события.

или дополнения, благодаря чему по дв. ч. соотносятся зависимые от них части предложения, например: *тоу же оубиша уба с(зи)на тысяцкого. Лаврентѣя и Андрѣя не мало бо показаста мужьство свое. и не побѣгоста братъ ѿ брата. тоу же (4) приаста. побѣдъи конѣць* ‘Тут же убили обоих сыновей тысяцкого – Лаврентия и Андрея; оба они показали немалое мужество, и не побежали брат от брата, и приняли славную смерть’ (ВЛ/1268).

Соотнесение составных элементов предложения по дв. ч. – широко распространенное явление, которое представлено в качестве контекстно-семантической составляющей почти каждого классификационного типа (кроме свободного дв. ч., однако в редких случаях и при нем), что мы увидим далее: «Материал летописного повествования подтверждает условность термина “связанное дв. ч.”, так как во многих случаях счетно-количественное дв. ч. употребляется без числовых слов, *имея ситуативно-речевое значение* (курсив наш. – Д. К.)» [3, с. 176]. Анализируя примеры, мы будем указывать, где это необходимо, на соотнесение тех или иных лексем в предложении.

Свободное двойственное число

В ВЛ нами было выделено 69 контекстов последовательного употребления дуалиса. К свободному дв. ч. можно отнести 13 контекстов (8.9 %), например: *Василко поѣха к Володимѣрю с побѣдою и честию великою слава и хвала Б(ог)а. створшаго предивная. покоршаго ворогъи под нозѣ Василкови* ‘Василько поехал во Владимир с победой и честью великой, слава и хвала Бога, сотворившего чудеса, повергшего врагов к ногам князя Василька’ (ВЛ/1262); и *воздѣвъ роуцѣ на н(е)бо. молашеса со слезами* ‘И, воздев руки к небу, молился со слезами’ (ВЛ/1288). Встречаются случаи, когда определение при парном существительном также координирует в форме дв. ч., образуя тем самым конгруэнтную связь, например: *и блюда великаа сребрянаа и коубьки золотые и серебряные самъ передъ своима оуима поби и полья в гривны* ‘Большие серебряные блюда и кубки золотые и серебряные он сам перед своими глазами разбил и перелил на гривны’ (ВЛ/1288). В целом, употребление дуалиса при парных именах в ВЛ вполне традиционно и последовательно [4, с. 264]. Несмотря на указанную стабильность, был обнаружен один контекст, в котором парные соматические существительные использованы уже в форме мн. ч. при описании физических достоинств князя Владимира Васильковича: *Сии же бл(а) говѣрзъи князь Володимѣрь... волосъи имѣя желтъи коудравъи. борода оу стригъи. роуцъи же имѣя краснъи. и ногъи рѣчь же башеть в немъ толъста и оустна исподная* ‘Сей благоверный князь Владимир был высок ростом, широк плечами, красив лицом, волосы у него были русые, кудрявые, бороду он стриг, руки и ноги у него были красивые, голос низкий, нижняя губа толстая’ (ВЛ/1288). Приведенный контекст отражает одну из стадий утраты дв. ч., которая, по мнению многих ученых, начала проявляться на раннем этапе именно у парных существительных в случае описания одного человека: «У самих существительных наиболее ранние примеры совпадения форм двойств. ч. с формами мн. ч. связаны с именами, обозначающими парные предметы» [1, с. 215].

Прономинально-вербальное двойственное число

Формы дв. ч. в прономинально-вербальном комплексе представлены в 10 контекстах (6.9 %). Показатель дв. ч. в подобном случае распространяется на указательное местоимение, которое выполняет здесь важную семантическую роль – указание на два объекта, которые упоминались ранее в тексте, например: *и в то время оудари на нихъ Болеславъ с лахъи. дружина же ю [дружины двух князей – Владимира и Василко] не стѣрпѣвши. оустремишася на вѣгъ вси со Блюсомъ* ‘И в это время ударил по ним Болеслав с ляхами. Дружина их не выдержала, и обратились в бегство все, вместе с Блусом’ (ВЛ/1281),

Василко же посла по нихъ Шварна, сѣиновца своего, и Володимѣра сна своего, оуказахъ во башеть. има [двоим – Шварну и Владимиру] тако река, не бѣйте же са с ними. близъ по поустите ѿ во свою землю ‘Василько послал за ними Шварна, своего племянника, и сына своего Владимира и дал им указание, сказав: «Не бейтесь с ними здесь, а пустите их в свою землю»’ (ВЛ/1268). Данный прономинально-вербальный тип также устойчив, так как обладает важнейшей текстообразующей функцией: «Наиболее частотными и важными... являются анафорические местоимения, поскольку они тесно связаны с текстообразованием, являясь обязательным компонентом в структуре нарративных линий» [3, с. 92].

Двойственное число при оба (обѣ), дѣва (дѣвѣ)

К группе при лексемах счетно-количественного порядка оба (обѣ), дѣва (дѣвѣ) относится 16 контекстов (11 %), например: Взыгнанъ имъ из города, и посадиша ѿ татаровѣ на болонь возѣ Вислы и сѣдоша два дни на болонь тоже поучаша избивати на ‘Их выгнали из города, и разместили их татары на болонье около Вислы, и были они два дня на болонье, потом их стали убивать всех’ (ВЛ/1261); изогна Миндовга, тоу же и оуби его и уба с(ъ)на его ‘неожиданно напал на Миндовга и убил его, и двух его сыновей’ (ВЛ/1263). Этот тип дв. ч., как и тип, описанный ранее, является довольно стабильным и системным в ранних памятниках письменности, поэтому некоторые ученые считают его «застывшей формулой»: «Таким образом, наиболее устойчиво формы двойств. ч. сохраняются: 1) в сочетании со словами *два, оба* (почти до XVIII в.: их считают “застывшими формулами”» [1, с. 216] – или рассматривают как «устойчивые (фразеологизированные)» [5, с. 161] сочетания, сохранившиеся и в современной разговорной речи. Нередко можно встретить контексты, где оба (обѣ), дѣва (дѣвѣ), входя в состав составного подлежащего с количественным значением, способны распространять контекстно-грамматическую числовую семантику на другие лексемы, которые находятся в составе предложения и зависят от этих лексем внутри контекста, благодаря чему создается общее согласование по дв. ч. (конгруэнтная связь), например: Напередъ же возлѣзоста два Татари на городъ с хоругвою, и поидоста по городу сѣкучи и водучи ‘Впереди других на стену влезли два татарина с знаменем и пошли по стене, рубя и коля’ (ВЛ/1261). В некоторых случаях дѣва входит в состав подлежащего, как в следующем контексте: токо и два баста оубита ѿ полкоу его, не подъ городомъ но во изгонѣ, он же баше Прουσина родомъ, а другии башеть дворнзи его слоуга любимзи с(ъ)нъ боярьский михайловичъ именемъ рахъ ‘Только двое из его полка были убиты, и не под городом, а во время перехода: один был родом прусин, а другой был придворный слуга Владимира любимый, сын боярский Михайлович, по имени Рах’ (ВЛ/1281), благодаря чему и сказуемое приобретает форму дв. ч.

К этому же типу можно отнести два контекста, где дѣва сочетается с числительным съто, отражая архаичное согласование, позднее утраченное: «Старые формы двойственного среднего рода, сохранились в сложных словах; ср.: *двѣсти* (от *съто*) с изменением по общему правилу в *двѣсти* > двести» [1, с. 235], например: Болеслав же башеть еце гордася своимъ безоумьем(м) оусмотрѣвъ верема, таково пришедъ, во двоу стоу воева вколо Щекарева ‘А Болеслав, все еще гордясь своим безрассудством, выбрал удобное время, и пришел с двумястами воинов, и воевал около Щекарева’ (ВЛ/1282); Берестыани же собрашася и гнаша по нихъ, башеть во лаховъ, двѣ стѣ а берестыанъ 70, башеть во у нихъ воевода Титъ, вездѣ словзи мужьствомъ: на ратѣхъ и на ловѣхъ ‘Берестыане же собрались и погнались за ними. Было же ляхов двести, а берестыан – семьдесят, ибо был у них воевода Тит, всюду славящийся своим мужеством: и на войне, и на охоте’ (ВЛ/1282).

Двойственное число при именах собственных

Один из самых распространенных типов дв. ч. в ВЛ – это дуалис при двух именах собственных, обнаруженный в 22 контекстах (15.2 %), например: *Левъ же и Володимиръ. на радиста свою рать* ‘Лев же и Владимир снарядили свою рать’ (ВЛ/1282); *Левъ же и Володимиръ. сама не идоста. но посласта воеводы* ‘Лев и Владимир сами не пошли, а послали воевод’ (ВЛ/1282); *Кондратъ. присла ко брату своему Володимеру. мира хотя с нимъ. Володимеръ же оумириса. и науста быти во велицѣ любви* ‘Потом Кондрат прислал послов к брату своему Владимиру, желая мира с ним. А Владимир с ним заключил мир, и стали они жить в великом согласии’ (ВЛ/1279). В последнем примере употребление синдетического двойственного числа обусловлено общим контекстом ситуации, то есть семантически, а не наличием конструкции с союзом *и*, соединяющим однородные члены, как это иногда описывается (ср.: «В конструкциях с двумя именами, *соединенными союзом* (курсив наш. – Д. К.)» [1, с. 212]). Дуалис здесь употребляется не при непосредственном сочетании двух имен, как, например, в двух первых контекстах, а при значительном удалении имен друг от друга в системе предложения, что не мешает координации глагольных форм, местоимений и прилагательных по дв. ч. То же и в следующем контексте: *Троидени же пославъ пѣшцѣ. та темъ воевашеть. Володимера. а Володимеръ пославъ тако же воевашеть. и тако воевастаса лѣто цѣло* ‘Тройден, посылав тайком пехотинцев, грабил землю Владимира, а Владимир, также посылая воинов, грабил Тройдена. Так и воевали они целый год’ (ВЛ/1274). В предыдущем примере форма имперфекта (в предложении – предикат) выполняет важную контекстно-семантическую роль: она объединяет две разобщенные линии в одну, создавая смысловую завершенность.

Интересно, что в ВЛ именно в таких контекстах происходит большинство случаев замены форм дв. ч. на ед. ч., например: *Завѣтра же по взятѣи города приде Романъ и Глѣбъ с великою силою* ‘На другой день после взятия города пришли Роман и Глеб с большим войском’ (ВЛ/1274); И тако по нихъ *Шварно с Володимиромъ поиде во силѣ тяжьчѣ* ‘И так пошли Шварн с Владимиром за ляхами с большим войском’ (ВЛ/1268); *Въспомяну Миндовгъ, оже Василко князь с богатыремъ воевалъ землю Литовьскую, и посла рать на Василка, и воеваша около Каменца* ‘А Миндовг вспомнил, что князь Василько с Бурундаем-богатырем воевал против земли Литовской, и послал рать против Василька, и воевали они около Каменца’ (ВЛ/1262); *Княжащу Войшелкови во Литвѣ и Шварнови, иде литва на ляхы воевать, на Болеслава князя* ‘Когда Войшелк и Шварн княжили в Литве, литовцы пошли воевать против ляхов, против князя Болеслава’ (ВЛ/1268). Всего было обнаружено пять подобных случаев. Примечательно, что глагольная форма, выполняющая роль сказуемого, указана в ед. ч., а не в ожидаемом дв. ч. и даже не во мн. ч. при сочетании двух субъектов речи, выполняющих совместное действие. Видимо, в таких контекстах сказуемое (а также причастие в составе дательного самостоятельного) может согласоваться в числе с одним из актантов (союзников по совместному действию). Подобное встречается И.С. Юрьева в тексте Галицкой летописи, не отмечая эту текстуальную особенность в ВЛ: «В тех случаях, когда говорится о братьях-союзниках, глагол иногда даже стоит в единственном числе, например: *наоутрѣа же приде Данилъ и Василко*» [6, с. 138]. Объяснить данное явление можно несколькими перечисленными далее причинами.

1. Ед. ч. могло быть в таких сочетаниях исконным, так как возникло, вероятно, благодаря греческому влиянию, где в подобных конструкциях использовалась глагольная форма в ед. ч.: «В конструкциях с двумя неличными существительными в греческом языке употре-

блялось ед. ч., т. е. атрибутивная или предикативная форма грамматически согласовывалась с синтаксически ближайшим именем» [3, с. 85].

2. Ед. ч. в таких конструкциях могло быть исконным, то есть существовавшим еще в исходном тексте, поскольку двойцы, скрепленные прежде всего семантической связью, могли восприниматься как единый, слитный герой повествования, поэтому и координация сказуемого выражается здесь формой ед. ч.

3. Можно предположить, что ед. ч. было исконным – в некоторых случаях писцом могли сознательно использоваться формы ед. ч., так как из пары мог выбираться кто-то более значимый, второй же воспринимался как прилагаемый к центральному субъекту, благодаря чему и согласование далее шло в тексте по ед. ч.

4. Ипатьевский список (и как его составная часть ВЛ) переписан в Пскове [7, с. 53] с не дошедшего до нас южного протографа – мнение, которого придерживается большинство лингвистов и историков (см. [8, с. 8; 9, с. 169]). Вероятно, имевшиеся в протографе формы дв. ч. уже не воспринимались позднейшими редакторами и писцами как живые разговорные, а возможно, вообще не были им понятны, поэтому спорадически заменялись в позднем списке на формы ед. ч.

Двойственное число при сакральных двойцах

На наш взгляд, дуалис при сочетании имен двух князей, сыновей тысяцкого, схимников и др. не может находиться в одном ряду с упоминанием сакральных имен-двоиц, поэтому мы выделяем этот тип как отдельный (вслед за [3, с. 47]). Сюда, например, можно отнести упоминание первых русских святых Бориса и Глеба, использованных в качестве украшения на обложке Евангелия: *другое Еуаглие опракос же волочено оловиром и цату възложи на не с финиптѡ(м). а на неи с(зѡ)таа мѣнка Глѣбъ и Борисъ* ‘другое Евангелие апракос, обтянутое оловиром, и на него возложено украшение с финифтью, а на нем изображение святых мучеников Бориса и Глеба’ (ВЛ/1288), или библейских праведников Анны и Иоакима в качестве номинации храма: *И свѣца ю во има правѣдниковъ Акима и Анны. и слоужбоу в ней створи* ‘Освятит он ее в честь праведников Иоакима и Анны и отслужил в ней службу’ (ВЛ/1291).

В тексте ВЛ к сакральным именам-двоицам относятся два контекста (1.4 %). К типу «священных двоиц» («двандва») примыкают и сочетания двух существительных, имеющих сакральную семантику, «не случайно вещное, а идеальное сочетание двух, соразмерных друг другу» [1, с. 213] лексем. Так, в ВЛ встретился один контекст (0.7 %) с сочетанием *правда и истина*, который включен в качественную характеристику достоинств князя Владимира Васильковича, образуя конгруэнтную связь за счет синтаксической роли этого сочетания: *Г(с)дѣ не потыкнеть(с). мужество и оумъ в немъ живаше правда же истина с нимъ ходаста* ‘Мужество и ум в нем жили, правда и истина с ним ходили’ (ВЛ/1288). Примечательно, что в первой части примера при таких же синтаксических условиях имперфект *живаше*, предикат при сочетании *мужество и ум*, использован в форме ед. ч., а не в дв. ч., как имперфектная форма во второй части предложения.

Двойственное число при буквенной цифири

Пять контекстов из общего количества (5.4 %) мы относим к дв. ч. при числительном, обозначенном в памятнике буквенной цифирью. Данный тип не выделяется ни в одной из классификаций как отдельный, что, на наш взгляд, несправедливо. Числовой показатель здесь не является тождественным контекстам с дв. ч. со словами *оба* (обѣ), *дѣва* (дѣвѣ), он не образует «фразеологизированного» сочетания, однако обладает схожими чертами: цифрой

могли указываться числа как первого десятка, так и второго, третьего, четвертого и т. д., важно, чтобы в цифровом показателе всегда присутствовал компонент *два* (2, 12, 52 и т. д.), благодаря чему входящая в контекстно-семантическую близость к цифре лексема также отражала дуальность, например: из Любомля поѣха до Берестѣа. и перебѣзѣ во Берестѣи ѣ. дни. поѣха до Каменца ‘А из Любомля поехал в Берестье и, пробыв в Берестье два дня, поехал в Каменец’ (ВЛ/1287); Прологы списа ѣ. м(с)ца. изложено житїа с(вѣ)ты(х) о(тъ)цѣ, и дѣанїа с(вѣ)ты(х) м(оу)ч(ь)н(и)къ како вѣ(н)чаша(с) своєю крѣвїю за Христа ‘Пролог списал на двенадцать месяцев, изложение жития святых отцов и деяния святых мучеников, как они увенчались за свою кровь, пролитую за Христа’ (ВЛ/1288). Традиционность и архаичность употребления форм дуалиса обусловлена в этом тексте отсутствием замены счетных конструкций с числовым компонентом от *двух* до *четырех* у существительных мужского рода во мн. ч. на поздние переосмысленные флексии дв. ч., например: князь Василко. оубилъ на войнахъ ѣ. братѣ. Троиценевеи же про то не живаше с нимъ в любви ‘князь Василько убил в войнах трех братьев Троидена – потому он и не жил с ним в согласии’ (ВЛ/1274). В этом контексте существительное при числительном *три* еще имеет грамматическую форму мн. ч., а не позднюю переосмысленную форму дв. ч. Такую структуру О.Ф. Жолобов называет «малый квантитатив древнего образца», который, по мнению ученого, «последовательно сохранялся вплоть до начала XVII в. В XVII в. распространился новый малый квантитатив типа *два, три, четыре года*. Таким образом, *только в этот период произошла утрата грамматического значения двойственности* (курсив наш. – Д. К.)» [10, с. 34]. Подобное встречаем в ряде контекстов, в том числе и здесь: и пострижеса во Черныцѣ. и бы(с) в монастыри оу Григорыа ѣ. лѣ(т). ѿтолѣ же поиде во Сѣоую Гору ‘и там постригся в монахи, и был у Григория в монастыре три года, а оттуда пошел в Святую Гору’ (ВЛ/1262).

Выводы

Анализ употребления форм дв. ч. в ВЛ позволяет сделать следующие ниже выводы.

1. В целом, функционирование дуалиса в изучаемом памятнике вполне последовательно и традиционно. Сочетания со счетно-количественными лексемами *оба* (*обѣ*), *дѣва* (*дѣвѣ*), а также с цифровыми показателями, где присутствует компонент *дѣва*, являются устойчивыми. Координация форм дв. ч. в прономинально-вербальном комплексе соответствует исходной древнерусской системе. Отсутствует сочетаемость числительных от *двух* до *четырех* с переосмысленными формами дв. ч., что появляется позднее.

2. Исследование показало, что мена форм исконного дв. ч. на мн. ч. sporadически возможна на раннем этапе только для парных существительных при достаточной прочности их общего дуального употребления в тексте переписанного памятника конца XIV – начала XV в., вероятно, отражающего особенности протографа конца XIII в. Это в целом согласуется с выводом О.Ф. Жолобова о том, что «во второй половине XIII в. грамматический статус дв. ч. изменился, но парные обозначения по-прежнему довольно устойчиво сохраняли дуальное употребление» [3, с. 101].

3. Нами были отмечены такие особенности памятника в употреблении дуальных форм, как периодически возникающее согласование по ед. ч. глаголов в тех контекстах, где мы ожидали бы возможное дв. ч. или его замену на мн. ч. в случае сочетания двух субъектов, связанных семантико-синтаксической связью.

И.С. Юрьева, изучавшая язык ВЛ, пришла к выводу о том, что «текст этой летописи достаточно близок к живому языку» [11, с. 77]. Проведенное в настоящей работе исследо-

вание функционирования дв. ч. на материале этого же памятника позволяет поддержать ее вывод – грамматически верное употребление древних форм дуалиса в ВЛ без значительных отклонений, отраженное в более позднем Ипатьевском списке летописи, может говорить о том, что дуалис в конце XIII в. на юго-западе Древней Руси был еще достаточно живой грамматической формой, что подтверждается летописными текстами, где «присутствуют как народно-разговорные, так и книжнославянские элементы» [12, с. 3].

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

ИЛ – Ипатьевская летопись (Ипатьевский список, БАН, 16.4.4, перв. пол. (сер.?) XV в.).
ГВЛ – Галицко-Волынская летопись (Подготовка текста, перевод и комментарии О.П. Лихачевой) // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. СПб.: Наука, 1997. Т. 5: XIII век. С. 184–357.
НКРЯ – Национальный корпус русского языка. 2003–2023. URL: <https://www.ruscorpora.ru>, свободный.
ПСРЛ – Волынская летопись // Ипатьевская летопись. (Полное собрание русских летописей. Том второй). М.: Языки русской культуры, 1998. Стб. 848–938.

Литература

1. Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка. СПб.: СПбГУ, 2010. 512 с.
2. Караваева П.Ю. Особенности употребления форм двойственного числа в «Сборнике житий греческих святых преподобного Нила Сорского» // Вестн. ВолГУ. Сер. 2. Языкознание. 2015. № 3 (27). С. 33–41. <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.3.4>.
3. Жолобов О.Ф., Крысько В.Б. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. II. Двойственное число. М.: Азбуковник, 2001. 235 с.
4. Иорданиди С.И. Существительное // Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М.: Наука, 1995. С. 170–294.
5. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. М.: Высш. школа, 1981. 359 с.
6. Юрьева И.С. Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики так называемой Галицко-Волынской летописи // Лингвистическое источниковедение и история русского языка, 2012–2013 гг. М.: Дрелехранилище, 2013. С. 135–151.
7. Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг.: Археогр. комис., 1916. 403 с.
8. Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах: С прил. 2 вариантов текста Начала земли Русьсте. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. 687 с.
9. Майоров А.В. Из истории открытия Ипатьевской летописи // Российская история. М.: Наука, 2017. С. 166–183.
10. Жолобов О.Ф. История двойственного числа и количественных конструкций в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998. 36 с.
11. Юрьева И.С. Лингвистические параметры стилистических различий между Галицкой и Волынской летописями // Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования. Olomouc: Univ. Palackého v Olomouci, 2016. С. 65–77.
12. Зайнуллина С.Р. Традиционные формулы русских летописей: структура и семантика (на материале «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2015. 20 с.

References

1. Kolesov V.V. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. St. Petersburg, SPbGU, 2010. 512 p. (In Russian)
2. Karavaeva P.Yu. The use of dual forms in the Collection of Lives of Greek Saints by Nilus of Sora. *Vestnik VolGU. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2015, no. 3 (27), pp. 33–41. <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.3.4>. (In Russian)
3. Zholobov O.F., Krys'ko V.B. *Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka* [Historical Grammar of the Old Russian Language]. Vol. II: Dual number. Moscow, Azbukovnik, 2001. 235 p. (In Russian)
4. Iordanidi S.I. Noun. In: *Drevnerusskaya grammatika XII–XIII vv.* [Old Russian Grammar in the 12th–13th Centuries]. Moscow, Nauka, 1995, pp. 170–294. (In Russian)
5. Gorshkova K.V., Khaburgaev G.A. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. Moscow, Vyssh. Shk., 1981. 359 p. (In Russian)
6. Yur'eva I.S. Syntactic, morphological, and lexical features of the so-called Galician-Volhynian Chronicle. In: *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka, 2012–2013 gg.* [Linguistic Source Studies and History of the Russian Language, 2012–2013]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2013, pp. 135–151. (In Russian)
7. Shakhmatov A.A. *Povest' vremennykh let* [The Russian Primary Chronicle]. Vol. I: Introduction. Petrograd, Arkheogr. Kom., 1916. 403 p. (In Russian)
8. Shakhmatov A.A. *Razyskaniya o drevneishikh russkikh letopisnykh svodakh: S pril. 2 variantov teksta Nachala zemli Rus'ste* [Studies on the Earliest Russian Chronicles: With Two Versions of “The Beginning of the Russian Land”]. St. Petersburg, Tip. M.A. Aleksandrova, 1908. 687 p. (In Russian)
9. Maiorov A.V. From the history of the discovery of the Hypatian Codex. In: *Rossiiskaya isotriya* [Russian History]. Moscow, Nauka, 2017, pp. 166–183. (In Russian)
10. Zholobov O.F. A history of the dual number and quantitative structures in the Russian language. *Extended Abstract of Dr. Sci. (Philology) Diss.* Moscow, 1998. 36 p. (In Russian)
11. Yur'eva I.S. Linguistic parameters of stylistic differences between the Galician and Volhynian Chronicles. In: *Pis'mennost' Galitsko-Volynskogo knyazhestva: istoriko-filologicheskie issledovaniya* [The Writing System of the Galician–Volhynian Principality: Historical and Philological Studies]. Olomouc, Univ. Palackého v Olomouci, 2016, pp. 65–77. (In Russian)
12. Zainullina S.R. Traditional formulas of Russian chronicles: Structure and semantics (a case study of the Russian Primary Chronicle according to the Laurentian Codex. *Extended Abstract of Cand. Sci. (Philology) Diss.* Izhevsk, 2015. 20 p. (In Russian)

Информация об авторах

Каменев Даниил Максимович, магистрант кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: kamenev.daniel2000@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9136-5238>

Author Information

Daniil M. Kamenev, Master's Student, Department of Russian Language, St. Petersburg State University

E-mail: kamenev.daniel2000@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9136-5238>

Поступила в редакцию 10.09.2024

Принята к публикации 19.11.2024

Received September 10, 2024

Accepted November 19, 2024